
Мистика в деревне
Андрей Клочнев
СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ
18+

Андрей Клочнев

Мистика в деревне

«Автор»
2026

Клочнев А.

Мистика в деревне / А. Клочнев — «Автор», 2026

Зачем местная ведьма перекидывается в поросенка? И кого можно встретить на кладбище в полночь? Добро пожаловать в деревню, где мистика — обычное дело, а аномалии могут поджидать за каждым плетнём. Но не спешите прятаться под одеяло: здесь самое страшное соседствует с самым смешным. Каждый рассказ — маленькая деревенская история со своим сюрпризом. Откройте книгу — и узнайте, о чём шепчутся за околицей. Только не читайте вслух в полночь: местные говорят, слушать могут не только живые...

© Клочнев А., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 8
Глава 3 12
Глава 4 15

Андрей Клочнев
Мистика в деревне

Глава 1

ВЕДЬМА

Дядя Коля с утра был хмур. Да и чему тут радоваться? Вчера перебрал малость. Ну, как малость — перебрал. Голова гудела неимоверно. Он попросил жену Зинаиду, так сказать, на поправку здоровья опохмелиться, но куда там! Та с ходу завелась, высказав все, что о нем думает, а потом пожаловалась на зрение: мол, куда мои глаза глядели, когда за него замуж выходила? Короче говоря, все, как всегда. Поняв, что сочувствия у «лучшей половинки» он не получит, Коля обозвал ее в сердцах ведьмой и молча пошел в сарай кормить скотину.

Хозяйство они держали большое: коровы, овцы, поросята, не считая кур, уток и гусей. Обойдя всех и задав корм, дядя Коля заглянул в закуту к свиньям — там они с Зинаидой держали свиноматку, так что приплод был свой. Вывалил он в корыто запаренный комбикорм, и свинячья семейка, радостно хрюкая и отпихивая друг друга, принялась чавкать.

«Добрые кабанчики! Скоро можно будет и на мясо пускать», — подумал довольный дядя Коля. И тут из угла ему под ноги метнулось что-то маленькое, но чрезвычайно шустрое — чуть не сбив с ног.

— Зинка, чтоб тебя! — выругался дядя Коля.

Так он называл про себя этого поросенка. Был тот последним из помета и, несмотря на обильное питание, расти отказывался, зато был удивительно шустрым и сообразительным. Как бы ни закрывали свиней, этот обязательно умело выбирался отовсюду, носился по двору, как собака, и постоянно путался у дяди Коли под ногами. Только Коля начнет что-то делать — тот уж тут как тут, смотрит на него, будто подглядывает. Вот и прозвал Николай, несмотря на мужской пол, поросенка «Зинкой» — за вредность и живость характера, так сказать.

Вот и сейчас, увидев открытую дверь закуты, Зинка, вместо того чтобы чавкать, как все порядочные поросята, с визгом вырвался на двор и начал нарезать круги. А когда дядя Коля попытался забрать его обратно, поросенок через дыру в заборе выполз на соседское подворье.

Плюнув на это, дядя Коля решил сходить на рыбалку. Обойдя цветник, заботливо разбитый женой и прозванный самим Николаем «дендрариумом», — поросенок, как ни странно, его никогда не трогал — он пошел в дом за банкой для червей. Найдя пустую банку из-под консервов, он, тяжело вздыхая, взял вилы и пошел к куче навоза. Воткнул вилы, перевернул ком и начал, нагнувшись, выбирать червей — как вдруг заметил в выкопанной ямке отблеск стекла.

Откуда оно здесь взялось? Мозолистой рукой очистил Коля стекло, понял, что это банка, и, ухватив ее, выдернул из кучи — уже догадываясь, что именно. Боясь спугнуть удачу, он открыл пластиковую крышку и вдохнул чудесный, ни с чем не сравнимый — особенно с похмелья! — запах крепчайшего самогона.

«Так вот где она тебя прячет!» — промурлыкал Коля. Утро переставало быть томным.

Воровато оглядевшись и пригибаясь, он быстро пошел в сад. Здесь, в самой заросшей его части, лежали два обрубка бревна, а третий, поставленный на попа, изображал стол. Здесь они иногда сидели с соседскими мужиками, жалуясь друг другу на тяжелую мужскую долю. Здесь все было приспособлено для «культурного» времяпрепровождения — даже несколько стаканов висели на сломанных ветках. Сняв один, Коля дунул в него и, убедившись, что все микробы испуганно убежали, плеснул туда чистейшей «святой воды». Резко выдохнул и, зажмурившись от удовольствия, выпил.

— Вот это вещь! — сказал он вслух.

Через некоторое время похмелье исчезло, а настроение, наоборот, появилось. Как всякий истинно русский человек, дядя Коля не мог пить один, поэтому, спрятав банку в зарослях лопуха, двинулся к соседскому забору. Искать соседа даже не пришлось: Геннадий, огромный, почти десятипудовый детина, стоял на грядке и собирал помидоры в ведро.

Вчера они гульбанили вместе, так что состояние у Геннадия было соответствующее. Подойдя к забору, дядя Коля окликнул соседа. Тот, с трудом разогнувшись, посмотрел на него мученическим взглядом.

— Пить будешь? — без лишних разговоров перешел к делу Николай.

— Конечно! — без колебаний ответил Геннадий, облизнув пересохшие губы.

Жили они по соседству уже добрых три десятка лет, поэтому понимали друг друга с полуслова.

— Твоя дома? — спросил Коля.

— Не, ушла уже. А твоя? — спросил в ответ Гена.

— Тоже ушла, — ответил Коля.

— Ну, значит, пора разговеться, — хмыкнул Гена.

— Согласен с тобой, — сказал Коля.

Захватив нехитрую закусь, соседи дружно зашагали в «заповедный» уголок. До чего же хороши настоящие мужские посиделки! Это вам не глупый бесконечный бабий треп — мужской он, солидный!

После второго стакана и разговоров на хозяйственные темы — дом, сено, скотина — налили третий, и пошли воспоминания о службе в армии, где дядя Гена был десантником. Ну, а после четвертого друзья принялись жаловаться на спутниц жизни.

— Ты, Колян, извини меня, — немного помолчав, сказал Гена. — Вот сколько лет живем соседями, а ни разу не спросил тебя об этом. А правда, что твоя Зинка — ведьма?

— Да все они ведьмы! — серьезно ответил дядя Коля. — Твоя что ли лучше?

— Не, Колян, я серьезно. Мужики в мастерской недавно говорили: мол, в животное она иногда перекидывается да так и шастает по деревне, смотрит за всеми. Вот мы с тобой вчера гульбанили, я только домой зашел — Ленка моя сразу: «Что, с Коляном пили?» Откуда она это узнала?

— Да ладно тебе, брат, ерунду молоть! Какое животное? Сколько лет с ней живу — ничего такого не видел.

— Я тоже не верил, — зашептал Гена, выпятив могучую грудь в выцветшем тельнике. — Да только вот знаешь: поросенок мелкий у тебя есть, так вот, неделя назад слышу — у моего крыльца кто-то хрюкает. Я как раз самогон варить поставил, ну, чутка пробу успел снять. Открываю дверь — а он перед ней стоит, пятачком своим водит: нюхает, гад. И глаза у него умные, прям человеческие! И, главное, карие, как у Зинки твоей! Я ему говорю: «Пошел отсюда». А он даже ухом не ведет. Меня оторопь взяла: стою, кричу, руками машу — а он хоть бы хны. Ну, думаю, гад, оборзел совсем. Схватил около крыльца кусок кирпича да и кинул в него. Ну, ты знаешь, у меня глаз-алмаз, не промахнусь: ухо ему поцарапал — он и убежал. А вечером Зинка твоя к моей зашла, ну, как бы поговорить. Говорит с моей, а на меня все посматривает. А на ухе у нее царапина. У меня аж волосы дыбом встали. В поросенка она перекидывается, точно тебе говорю!

Выпили еще по одной. Помолчали.

— Да нет, — сказал дядя Коля. — Это она в сарае поцарапалась. Гвоздь там торчал. Она мне давно говорила: загни его да загни. Да когда? Все некогда. Правда, сам я этого не видел, — задумчиво добавил он.

Налили еще. И тут в лопухах послышалось какое-то движение — из раздвинутых листьев высунулась поросячья мордочка.

— Зинка пришла, — икнул Коля.

— У-у-у, нечистый! — воскликнул Гена, замахиваясь на поросенка палкой. Тот не стал дожидаться и ловко отпрыгнул в сторону, сбив при этом налитые стаканы и банку с остатками самогона. Мужиков чуть кондратий не хватил.

— Убью, сволочь! — закричал Гена и метнул палку. Поросенок весело хрюкнул и кинулся в заросли.

— Лови Зинку! — поддержал Коля. И оба бросились в погоню.

Петляя по лопухам и крапиве, качая хвостиком, поросенок несся вперед, ловко уворачиваясь от летящих в него камней и палок. За ним, оставляя в кустарнике широкую просеку и тяжело бухая ногами, бежали два здоровенных мужика. Поросенок ловко обогнул поленницу дров, но друзья даже ходу не сбавили, разметав ее своими телами. Свин на секунду остановился, и Коля, улучив момент, метнул в него полено. Бросок был знатным! Огромное полено с воем реактивного самолета высоко пронеслось над зверем и с грохотом выбило окно дома.

— Глаз, сука, отводит! — успокоил Гену Коля. — Ничего, от нас не уйдешь!

Схватив вилы, которыми недавно копали червей, он с диким криком метнул их в поросенка, как копье. Тому даже уворачиваться не пришлось: пролетев мимо, вилы с глухим стуком вошли в деревянную дверь и остались там, покачиваясь. А поросенок побежал дальше, спрятавшись за клумбой.

— За ВДВ! — крикнул Гена, в прыжке пытаясь достать неуловимую скотину.

— За ВДВ! — поддержал его за компанию Коля и тоже прыгнул.

После падения двух тушек от клумбы не осталось и следа. «Пипец дендрариуму», — тоскливо подумал Коля. Поросенок, которому, похоже, надоело играть, весело хрюкая и помахивая хвостиком, забежал за угол дома. Соседи не успели подняться, как из-за этого угла вышла Зинаида.

— Че это поросенок по улице бегает? — начала она и застыла от увиденного.

— Перекинулась! — с ужасом воскликнул Гена, глядя на нее. «Конец нам», — подумал Коля. По правде сказать, Зина опомнилась быстро. Легко выхватив из двери вилы, она двинулась на друзей.

— Я вам сейчас покажу, как перекидываться, алкашня!

И с боевым кличем «Хана вам, гады!» кинулась в атаку.

Утром следующего дня друзья опять встретились — хмурые и помятые. Сначала стеклили разбитую раму, потом, кряхтя, складывали дрова, затем — виданное ли дело — заново восстанавливали клумбу. Все это время Зина и Лена сидели на лавочке под окном, попивали холодный квас и покрикивали на охотников за нечисть, чтобы те не ленились. Поросенок, опять сбежавший из закутка, весело носился рядом.

— Да, верно ты сказал, Колян, — опасливо косясь на подруг и вытирая трудовой пот, тихо проговорил Гена. — Все они ведьмы!

Глава 2

Голубой платочек

Утро не задалось с самого начала: нет, погода стояла отличная, просто мама разбудила рано.

— Вставай, сынок! Председатель к себе зовет, что-то срочное.

«Конечно, срочное, — подумал Виктор. — У председателя все лето срочные дела. Да, честно говоря, в деревне по-другому и не бывает». Встал, посмотрел на часы. Пять утра только — и чего там стряслось? Успею позавтракать. На столе уже стояли блины: мама их жарила толстыми, густо пересыпала сахаром, поливала сливочным маслом. Они были еще теплыми. Рядом стояла крынка молока. Короче, то, что надо для молодого, растущего организма. Виктор два года как пришел из армии и устроился работать в колхоз. Благо, руки из того места росли — любая техника ему подчинялась. Позавтракав, оделся, крикнул маме: «Спасибо!» — и пошел в сельсовет.

Председатель — Василий Петрович — стоял около машины. Увидев Виктора, приветственно махнул рукой.

— Давай быстрее, чего телешься?!

И когда Виктор подошел, протянул руку.

— Вить, тут такое дело, — начал он без лишних отступлений. — Баба Фрося померла, нужно могилку ей вырыть. Сегодня тебе такой наряд. Где рыть, дед Лешка покажет — он ей вроде как родня приходится. Ты у нас парень непьющий, ответственный, так что давай, постарайся, помоги людям.

Больше не сказав ни слова, он сел в машину — «газон» взревел, поднимая пыль, — и поехал по улице. Виктор даже слова сказать не успел. Постоял немного и потопал к дому деда Лешки.

— Не пьет, ответственный, — бурчал он себе под нос. — Так вот и копай всем могилы, тоже работу нашли. В деревне все просто: умер человек — сказали председателю, фельдшеру да участковому. Председатель наряд подписал, кто могилку копает; в стройцехе гроб сколотят, бабки-соседки тело подготовят. Все вокруг свои, знавшие покойного много лет, поэтому делают все на совесть. Надо же проводить по-человечески — каждого это ждет.

Дед Лешка уже ждал Виктора, сидя на лавочке возле дома. Так как-то само получилось, что чаще всего копать ставили Виктора, а деда Лешку, старого знавшего всех балагура, — вроде как начальством. Деду скучно дома сидеть, вот он к такому делу и приспособился.

— А, Витек! Тебя прислали? Ну, хорошо. Фроська-то, вроде, и тебе родня была, правда, дальняя, но все же.

— Здорово, дед Леша! Да у нас в деревне все родня — в кого не ткни пальцем. Ну что, пойдем потихоньку?

— Я тут тебе инструмент собрал уже да и поесть малость. Бери давай, и потопаем, пока не жарко.

Виктор взял лопаты, матерчатую сумку с едой, и они тронулись в путь. Когда пришли, дед Лешка походил немного по кладбищу и показал место около куста акации.

— Вот здесь ее сестра лежит. Видишь, крест почти совсем сгнил? Молодая померла. А за кустом все твои родичи лежат.

— Да знаю я, — ответил Виктор.

— Твой дед — хороший мужик был. Всю войну, как и я, на пузе прополз. У меня вот только медали есть, а у него и орден был.

Чтобы немного притормозить деда Лешу, Витя спросил: «Слышь, дед, а где мой прадед похоронен, не помнишь?» Дед Лешка задумался, а потом, махнув рукой на могилы родичей, ответил: «Да все они здесь лежат, чего пристал? Село давно стоит, вот и хоронят всех близко друг к дружке. Не оттого, что места мало, а потому что поближе к своим хочется лежать — не хочется потерянным быть. Вот ведь в городе как: чтобы своего кого положить, так документы нужны, деньги заплати, а если нет у тебя ничего — схоронят на городском кладбище, иногда и не найдешь где. А у нас красота: все свои кругом — случись чего, не обидятся, подвинутся».

Виктор, продолжая слушать деда, разметил могилу и начал копать. Земля была мягкая, жирная, только корни иногда мешали. За час больше половины было уже готово. Дед Лешка, сидя под кустом в теньке, одобрительно посматривал на Витю, потом, видимо, заскучав, сказал: «Передохни немного, спешить некуда. Перекуси, чем Бог послал». Витя вылез из ямы. Действительно, куда спешить? Вымыл руки водой, которую дед полил ему из бутылки, и сели они на траву в тени. Дед выложил на газеты нехитрую снедь: молоко, сало, яйца, лук, хлеб, спичечный коробок с солью. И, немного помедлив, достал бутылку самогона.

— Ну что, помянем Фросю? — спросил дед.

— Нет, деда, я ж не пью, а ты, если есть желание, сам угощайся.

— Молодец. А я, пожалуй, приму — фронтовые, так сказать, немного. Набулькал полстакана граненого и выпил, не поморщившись, занюхал хлебом и захрустел луком. Через некоторое время вдруг спросил: «А я тебе про Пашку Коломейца не рассказывал? Как он на этом кладбище ночевал?»

— Да нет, — ответил Виктор заинтересованно. — Расскажи.

И дед Лешка начал рассказ.

— Это около пятидесятого года приключилось. Эх, славное было время! — дед задумался, погрузившись в воспоминания. — Шли мы как-то с танцев из клуба. Ну что смеешься — и мы молодыми были! Тем более с войны живыми пришли: жизнь в нас так и бурлила — и в работе поспевали, и в остальном тоже. Дорога из клуба аккурат рядом с кладбищем проходила: там раньше вместо клуба церковь стояла, а рядом кладбище. Так вот, мы, бывало, девчат там пугали: нарядим мелкого в тулуп мехом наружу, рога коровьи на веревке на голову наденем, морду сажей испачкаем. Девчонки идут из клуба, а он из кустов как выпрыгнет! Руками машет, воет. Визгу было! Нам смех, а девчонки и вправду пугались. Зато потом — законный способ проводить до дома. Военная хитрость, так сказать.

Так вот, Пашка у нас заводилой был. В тот раз девчонки разозлились: кто-то и сказал, что мы, мол, такие храбрецы, что только и девчонок пугать. Ну, Пашка в ответ: чего, мол, всякую ерунду бояться. Мертвые они мирные, по ночам не шастают. А потом взял и брякнул: хотите, мол, переночую на погосте, и ничего не случится. Кто-то из девушек тоже раззадорился: «Давай, попробуй! Посмотрим, какой ты храбрый!» Пашка бахвалился, конечно, перед девчонками, ну а тут куда деваться? Слово дал — слово держать надо. Взял у мелкого тулуп да и пошел на кладбище. Мы его, конечно, отговаривали: хорош, мол, чудить! Да и девчонки уже отошли, а ему как шлея под хвост попала: набычился — переночую, мол, и все тут. Раз так, мы пошли домой, а он остался. Про себя думаем: немного посидит, а как мы уйдем, так и он тоже. Встретились мы с ним только дня через два: Пашка смурной весь, дерганый. Я его спросил, как дела, а он рукой только махнул: после, мол, поговорим. На третий день нас с ним на дальнее поле послали, вдвоем были. После обеда сели покурить — Пашка и стал рассказывать.

Пришел он на кладбище, посидел, покурил, прилег на тулуп. Вертелся-вертелся, а все же молодость свое взяла: подремывать начал. Вдруг слышит — вроде шаги чьи-то. Сначала даже чуть напрягся, а потом думает: видно, ребята идут, хотят меня проверить. Он даже в кустах затаился, хотел «проверяющих» попугать. А тут другая девчонка выходит — видать, отстала от своих. Пашка хоть и дурной, но все же сообразил, что дуреху пугать не стоит, — она и так, видать, от страха чуть живая. Вышел к ней навстречу, заговорил сразу: ты, мол, не бойся, живой

я. Меня Пашкой зовут, тутошний я. Девчонка стоит столбом, глазищами хлопает, ничего не отвечает. Пашка вздохнул, говорит: «Извини, ежели напугал — не хотел, честное слово. Но раз встреча такая приключилась, давай хоть до деревни тебя провожу».

Луна на небе как раз от туч очистилась — Пашка девчонку рассмотрел: одно слово — хороша! Ладненькая вся, волосы в две косы заплетены — длинные, ниже талии, носик чуть курносенький, а глаза как два омута: как посмотрел в них — так сразу и пропал. Она уже, видать, отошла от испуга, заговорила. Зовут ее Ирина: приехала на лето к сестре, что в этой деревне живет, пошла в клуб с подружками да на обратном пути от них отстала — чуть со страху не умерла. Рассказывает, как ручеек журчит, а сама на него из-под длиннющих ресниц посматривает. У Пашки от ее голоса прям сердце зашлось: то ли ночь такая чудная приключилась, то ли правда сердце к сердцу потянулось.

Тут дед Лешка даже крякнул как-то смущенно, а потом продолжил. Пошли они к деревне — не бросать же девушку одну? Пашка разговорился, все подряд ей рассказывает: про жизнь свою, а она слушает да так, как никто и никогда его в жизни не слушал. И так хорошо им, будто сто лет друг дружку знают. Дошли до дома, где сестра Иринкина жила. За калитку она зашла, спасибо ему говорит, а он ей: давай, мол, и завтра встретимся? В клуб сходим, кино посмотрим. А она смутилась. Пашка уж подумал, что не пришелся ко двору, — тоже гордость свою имел. Тут она ему и говорит: «Давай опять завтра на том же месте встретимся». Сказала, а сама как будто засмущалась: обернулась да от калитки быстро в дом пошла. Пашка постоял немного, пока сердце не успокоилось, и сам себе удивляется: как же его так зацепила? И тоже домой пошел. Как до вечера дождался — и не помнит ничего, только мысль одна: побыстрей с ней увидеться. Никому ничего не рассказал, как стемнело, бегом к кладбищу побежал. Думает: придет — не придет. Прибежал, а Иринка уже стоит, его ждет. И, по всему видно, тоже волнуется. И опять они гуляли всю ночь, луна им дорогу, как фонарем, освещала, наговориться не могли.

Ну, Иринка говорит: «Сестра ругаться будет, лучше, пока темно, домой вернуться». Проводил опять до калитки, хотел на прощанье поцеловать ее да не решился. Иринка за калитку прошла, сразу ее закрыла, как будто от него отгородилась — будто боялась чего-то. Постояла немного, а потом вдруг и говорит: «Спасибо тебе, Паша». Он хотел спросить, за что, но она его остановила: «Уезжаю я завтра. Вижу, что чувства у тебя ко мне, и ты мне нравишься, да только не судьба нам вместе быть. Ненадолго я здесь, и не спрашивай почему — не отвечу. Только прошу: выбрось меня из сердца и забудь. Встретишь еще свою любовь, а мне уходить пора — нельзя по-другому». Слезы так и катились у нее из глаз. Пашка стоит столбом, сказать ничего не может, потом руку в карман опустил, вытащил голубенький шелковый платок — в магазине купил, ей в подарок — протягивает, говорит: «На память тебе». Она платок взяла, прижала к себе и говорит: «Спасибо, Паша. Век тебя помнить буду, и подарок твой навсегда со мной останется». Повернулась и в дом забежала.

Пришел Пашка домой, так до утра и не смог уснуть. Да и какой тут сон, когда вдруг так жизнь к тебе поворачивается! Утром ходил мрачный, а потом решил: надо им еще хоть разик поговорить. Пришел к знакомой калитке, стал стучаться, хозяйку звать. Дверь в доме открылась, вышла хозяйка, узнала его.

— Чего стучишь, Пашка? Чего надо?

— Да я с сестрой твоей пришел поговорить. Ты не ругайся.

— Да с какой сестрой? Одна я живу, никого больше нет.

— Да как нет! Я же ее вчера до этой калитки провожал!

Хозяйка только у виска пальцем покрутила и дверь закрыла. Рассказывает Пашка, а сам весь черный, как туча. Спрашивает меня: «Вот ты, Леха, знаешь Иринку?» Я ему: «Нет, никогда о ней не слышал».

— Вот и я: кого ни спрошу — никто ее не знает и не видел никогда. Не пойму, кто уж надо мной так посмеялся.

— Такая вот история, Витек, — внезапно закончил дед.

Витя поднялся.

— Грустная история, дед Лешка. А деда Пашу я помню: у него же дочь Ирина — у нас в школе учительницей была. Значит, у Коломейцева дальше все хорошо сложилось.

— Ну, конечно, сложилось! Погрустил он, погоревал: с год на танцы не ходил, а потом вдруг с Маринкой Костюковой начал встречаться. Она красивая была, быстро они сошлись. Поженились, дети пошли. Он никогда ничего не рассказывал, а только вторую дочь Ириной назвал. Не просто так, видать. Не все забылось.

— Дед, а ты к чему мне это рассказываешь?

Тот остановился — видно, с мысли сбился. А потом ответил шутливо: «Вот я, Вить, к чему говорю: надо девок знакомых брать и обязательно днем — чтоб подробности все рассмотреть и чтоб потом они не потерялись». Дед с кряхтением поднялся.

— Ладно, заговорились. Ты давай, Витя, докапывай: отдохнули, и ладно!

Витек поплевал на ладони и принялся за работу. Быстро закончил. Оглядел яму — все на совесть. Лопатой немного дно подровнять, и хорошо будет. Шаркнул пару раз лопатой по боковине — вдруг видит: вроде тряпочка из стенки торчит. Потянул ее из земли, хотел уж было выкинуть, да вдруг застыл, как громом пораженный: она развернулась, и Виктор понял, что держит в руке истлевший голубенький платочек.

Глава 3

«СОФЬЮШКА»

— Да, слышал я эту историю, ерунда это! Бабские сказки да и только, — Колька даже сплюнул от ехидства.

— Софьюшка эта не имеет отношения к нашей деревне. Настоящая помещица сбежала после революции за границу, больше о ней никто и не слышал, — добавил Колька.

— Подумаешь, умник нашёлся! — надулась Валюшка. — Больше ничего не расскажу.

Большая компания сидела в старом графском парке около костра. И Виктор, приехавший на каникулы к родственникам, был единственным, кто не знал этой истории. Сейчас атмосфера вокруг них была самой располагающей к таким разговорам: старый заросший парк с огромными деревьями, усеянными гнёздами грачей, яркое пламя костра, которое делало всё вокруг таинственным. Отблески пламени ложились на лица ребят и девчонок, сидящих вокруг него.

— Валюшка, расскажи, я-то эту историю никогда не слышал, интересно же, — попросил Виктор.

— Валюшка, расскажи, мы тоже хотим! — поддержали его ребята.

Валюшка с победным видом покосилась на Кольку, но тот только улыбнулся и кивнул в ответ. В компании он был самым старшим из ребят, ну как тут откажешь? Тем более ещё не остыли они от удачного набега на колхозный сад, где их чуть-чуть не поймал сторож, которого все звали Лешим. Теперь ребята сидели у костра, вывалив добытые яблоки в общую кучу, насаживали их на деревянные прутики и обжигали, постепенно откусывая ещё горячими. Ещё не отойдя от пережитого, каждый рассказывал, как его, ну, вот чуть-чуть, не схватил Леший. Лютый дядька, он жил в сторожке в саду, мог и кнутом воришку приласкать. Но постепенно все успокоились, начали рассказывать разные страшилки. Колька монотонным голосом начал первым. Он рассказывал о девочке, попавшей в один страшный чёрный дом, где в чёрной-чёрной комнате висели чёрные-чёрные шторы и жила там чёрная-чёрная Колдунья. Всё это он выговаривал глухим голосом. Когда все привыкли к монотонному рассказу, он медленно повернулся к Ниночке и проговорил:

— И тут чёрное-чёрное окно закрылось, а из чёрных-чёрных штор выросли чёрные-чёрные руки и потянулись к девочке… Отдай своё сердце! — выкрикнул Колька, схватив соседку за руку.

Нина взвизгнула и подскочила, да и у всех сидящих сердце замерло. Но вида не подали, а ребята даже посмеялись над девчонками.

Потом вроде все успокоились. Вот только парк стал как будто темнее, и ходить за ветками для костра стало как-то страшновато. Тут Валюшка и начала свой рассказ.

— Жила-была девушка, и звали её Софьей, только все звали её Софьюшкой. Уж очень её любили в семье. Зажиточные у Софьюшки родители были и поэтому безмерно баловали её! Когда маленькой была, куклы заморские дарили: наклонишь такую куклу, а она человеческим голосом говорит: «Ма-а-ама». Когда деревенские подружки увидели такое чудо, чуть в обморок не попадали. Так и росла Софьюшка, а когда в возраст стала входить, пошли платья да украшения всякие — ни в чём отказа она не знала! Вот она и подумала, что богатство её лучше других делает. Как-то гуляла она с подружками по деревне, вдруг видит: у колодца старая бабушка стоит, хочет воды набрать, да вот только сил вынуть ведро из колодца не хватает. Наконец вынула, а ведро, поди ж ты, выскользнуло и облило старуху! Подружки бросились помогать, а Софьюшка стоит да смехом заливается. Мокрая бабулька говорит ей: «Не хорошо, девица, над старыми людьми смеяться, сама тоже когда-нибудь состаришься. Приятно тебе будет, когда и над тобой кто-нибудь так же посмеётся?» Но Софьюшку, видать, совсем гордыня одолела, она и говорит: «Это когда ещё будет! А тебе, старая карга, помирать уж пора, зажилась

на свете, даже воды себе достать не можешь!» Подружкам и тем от таких слов неудобно стало. Бабушка и говорит: «Кому жить, а кому умирать, только Бог ведает. Не тебе, девушка, решать! А молодость быстро пройдёт, если разум за телом не поспевает». Повернулась бабка да и пошла прочь от колодца. «Фу, карга старая, всё настроение испортила!» — проговорила Софьюшка и повернула домой. Вечером поужинала да спать легла, а вот утром уже и не проснулась. Умерла Софьюшка. Родители её в горе большом воют: «Как так случилось? Только вчера здоровою была…» Прознали про случай у колодца, злобою переполнилась их душа. Время было тёмное, законов не знали: кто богаче, тот и прав. Решили, что старуха виновата, колдунья, мол, она. К ней домой слуг послали, те выволокли несчастную во двор да хотели плетьми её отходить. Только посмотрела она на них таким взглядом, что они и замерли столбами, а когда опомнились, её и след простыл.

Начали к похоронам готовить Софьюшку: в платье белое одели, украшения все положили. Отпели в церкви да и закопали на кладбище. Наступила ночь: темно на кладбище, только кресты в лунном свете серебрятся. Вдруг что-то звякнуло.

— Потише ты, гад! — раздался чей-то голос.

— Да, ладно! Кого разбудить боишься, покойников что ли?! — ответил второй.

Оказывается, прознали воры про украшения, что в гроб положили, и решили: «Чего добру пропадать? Выкопаем и себе заберём». Совсем потерянные люди. Начали копать, земля только в сторону летит — торопятся. Вскоре лопата о гроб ударилась, поднатужились, крышку сняли. Лежит Софьюшка словно живая: на шее ожерелье, в ушах серьги с самоцветами, все пальцы перстнями усеяны.

— Ну что, Харитон, не зря копали! — сказал Прохор подельнику. — Давай, снимем побыстрее. Чего тут смотреть? Надо дело делать.

Быстро сняли ожерелье с девичьей шеи, серьги, начали кольца с пальцев снимать, и, как только последнее сняли, вдруг пошевелилась Софьюшка. Вздохнула глубоко и села в гробу. Харитону-то ещё повезло: он сразу от страха помер, а вот Прохор застыл, как изваяние, и голова в один миг поседела.

Софьюшка открыла глаза, увидела вора и спрашивает:

— Где это я? Почему не дома?

Но Прохор только зубами стучит, говорить не может. Оглянулась Софьюшка да и осознала, где находится. Разум у неё помутился: поняла, что не простым сном она спала. Руку свою Прохору протянула и говорит:

— Проводи меня домой!

А тот и ответить ничего не может, только седой головой кивает. Помог он ей выбраться из могилы, и пошли они с кладбища домой.

Подошли к дому да в двери постучались. Долго им не открывали. Потом женский голос спросил:

— Кто там?

— Я это, маменька, домой пришла, — ответила Софьюшка.

За дверью что-то упало и тихо стало. Опять постучали в двери. Они раскрылись — на пороге стоял её отец. Увидел он дочь свою и замертво у двери упал. Закричала страшным голосом Софьюшка, ничего человеческого в этом крике не было. Собаки завыли, вся деревня от этого проснулась. Не вынес Прохор этого крика, тоже мёртвым свалился. И тут прокричал петух — наступило утро. Когда деревенские к дому подошли, увидели на пороге мёртвых барина с барыней, седого мужика да старуху в белом платье. Состарилась Софьюшка за одну ночь.

Валя закончила рассказ. Костёр догорал, но за ветками идти никому не хотелось. Страшно стало всем, повисла тишина. Вдруг раздался треск кустов, и на поляну вышло нечто, одетое в белое.

— Проводите меня домой! — прохрипело оно.

Тёплую компанию словно ветром сдуло: бежали так, что только пятки сверкали, даже храбрый Колька не обернулся.

Когда всё стихло, сторож Леший снял с себя белую простыню и, не переставая смеяться, проговорил:

— А нечего было по колхозным садам лазить! Тоже мне герои нашлись!

И, тихо посмеиваясь, пошёл к себе в сторожку.

Глава 4

Былое

Я не верю в то, что жизнь конечна,
Что впереди у звёздного костра,
Там, где время переходит в вечность,
Не найдётся места для меня.

— Ну, будь здоров! — Виктор протянул рюмку зеркалу и, глядя на своё отражение, осторожно его коснулся. Раздался тихий, очень мелодичный звон. Он поднёс рюмку к губам и выпил.

Огненная жидкость обожгла. Настроение было отвратительное: опять завал на работе, денег, как всегда, не хватает. Домашние легли спать, и Виктор решил немного расслабиться.

Зеркало было старинное, в деревянной раме. Он забрал его из дома деда — у него вообще была тяга к подобным вещам. Посмотрел на своё отражение: серое лицо, дряблая кожа, усталые злые глаза. Да, жизнь не молодила...

— Ну и нахрена мне всё это? — спросил он у своего отражения.

Потёр лицо свободной рукой, поднёс рюмку к глазам и неожиданно подумал: «А ведь рюмка от родителей досталась... На радость покупали. Только где она теперь, эта радость?»

— Ну ладно, будем! — сказал, коснувшись рюмкой зеркала. Опять этот мелодичный звук. Крякнул: «Здорово! Кому б поплакаться, ёлки зелёные? А ведь и некому».

Вспомнилась мама. Уходя на работу и возвращаясь с неё, он всегда заходил к родителям. Мама была уже больна, с трудом ходила, поэтому двери в дом не запирались. Он зашёл — мама лежала на своём диване в зале.

— Привет, мам!

— Сынок! — она улыбнулась бледными губами. — Ты откуда?

— Да с работы... Ты как? — взгляд упал на стол. Утренние таблетки были нетронуты.

— Ну, мам, ты чего таблетки не выпила? Болеть понравилось?

— А я чего? Я нормально себя чувствую, зачем они мне? Сынок, ты голодный? — всегда она его так спрашивала.

— Ну-ка помоги встать, а то залежалась, — протянула слабую руку.

— Да ладно, лежи, мам!

— Руку давай! — она нахмурилась. Опираясь на сына, встала, немного постояла и тяжело двинулась на кухню.

— Как дела-то на работе? — спросила, уводя разговор от себя.

Достала колбасу, хлеб и принялась его отрезать. Руки были слабые, нож выворачивался, но она упрямо продолжала резать. «Корсучить», как она говорила. Бутерброд получился большим, и сорокалетний мужчина ел его, давясь от жалости к матери, ощущая жжение в груди, боясь обидеть её отказом.

Последняя еда из материнских рук.

Он прижался головой к зеркалу. В глазах защипало. Даже отключился немного.

— Сынок, ты чего? — он испуганно очнулся от маминого голоса. Отшатнулся от зеркала и обернулся. Он был в большой комнате деревенского дома деда, а на пороге стояла мама, но совсем не та, какой он её помнил.

На пороге стояла молодая мама: с голубыми глазами, в которых плескался смех, ямочками на щеках. Густые, вьющиеся, светло-русые волосы заплетены в тугую косу, уложенную на голове короной. Шелковое платье в розочках, перехвачено на тонкой талии ремешком.

«Ну, сволочи! Видать, что-то в водку подмешали!» — пронеслось в голове.

— Сынок, ты голодный, небось?

Ком в горле.

— Мамань, Витя пришёл! — крикнула мама в дверь. Из дверного проёма показалась баба Ганя.

— Витенька, внучек! — она быстро подошла и обняла его, целуя в щёку.

— Щас накормим! — и подошла к печи, на которой стояли вкусно пахнущие чугунки. Виктор стоял, окаменев. «Всё-таки армейские контузии, наверное, сказываются! Да и пить надо завязывать».

— Ну чего столбом стоишь? Пойдём к столу! — мама подошла и взяла его за руку, потянула.

— Какой ты, Витя, тормозной стал! — сказала, улыбаясь.

— Я где? — хрипло спросил Виктор, озираясь.

— Вот чудила! — баба Ганя подошла, неся дымящуюся тарелку щей. — Конечно, дома! Где ж ещё?!

— Такого быть не может... — он выдохнул. — Вы же умерли!

— Вот телок нелизанный, — проговорила бабушка ласково. — Говорила я тебе, Райка, не породистый он! Вишь, и на голову слабый! — она жалостливо покачала своей головой.

— Ешь давай, скоро мужики подойдут, поговорим.

— Какие мужики?... — выдавил Виктор.

— Как какие? Конечно, наши! Деды твои, дяди, братья. И женщины потянутся.

Мама подошла, погладила по голове и села рядом.

— Ты, сынок, не пугайся.

— А я что, тоже умер?

— Да нет! — она опять засмеялась своим грудным смехом. — Ты просто у нас в гостях, ненадолго.

— Но вас же нет!

— Нас нет там, — мама качнула головой в сторону зеркала. — А здесь, — она обвела рукой дом, — мы всегда есть.

— Витька! — услышал он голос отца. Худощавый, черноволосый, он стоял на пороге. Виктор встал, сделал шаг навстречу.

— Батя! — обнял, крепко прижавшись.

— Задушишь, бугай! — отец тепло похлопал Виктора по плечам. — Заматерел! Смотри, Райка, какой кабан стал!

Мама смотрела на них, и глаза её искрились от счастья.

Дом начал наполняться людьми. И это было странное ощущение: с каждым вошедшим в нём как будто прибавилось света, тепла, уюта. Он становился всё больше: вошедшие становились частью этого уюта. Это был целый мир, созданный его родными. И Виктор тоже был его частичкой. Частичкой своих родных, частичкой этой Вселенной. Его хлопали по плечам, обнимали, расспрашивали. Вокруг стоял гомон, но, как ни странно, каждый голос был слышен, на каждый вопрос он успевал ответить. Как же он по ним скучал! Как ему не хватало этих рук, глаз, голосов! Их любовь к нему наполняла его, вытесняла ту пустоту, что образовалась с их уходом, смывала коросту, которой он оброс за эти годы. А вокруг уже звучал смех. Кто-то рассказывал старую семейную байку. Виктор смеялся вместе со всеми, ему было хорошо, словно он опять вернулся в детство, беззаботное и счастливое.

В дверях показался огромный мужчина, такой, что и плечи в проём с трудом входили. «Прадед Никифор!» — сразу узнал Виктор.

— Ну, кто тут к нам в гости пожаловал? — посмотрел на него строгим взглядом. — Подойди, внучек, не стесняйся! Они обнялись.

В сравнении с прадедом Виктор казался ребёнком. Даже обхватить его не смог. Но сила, исходившая от того, была добрая, родная. Дед отстранился.

— Ладно, давайте за стол! За жизнь поговорим. А ты, Вить, давай рассказывай! Хотел же поплакаться кому-нибудь, ну, плачься!

И Виктор неожиданно для себя начал рассказывать. Всё, что творилось с ним за эти годы: об удачах, потерях, живущих родственниках. Он говорил, и с каждым словом ему становилось всё легче и легче. Он не знал, сколько прошло времени, когда опять раздался знакомый мелодичный звук. Все разом притихли. Дед приподнялся с лавки.

— Ну, всё, Виктор, пора тебе!

— Когда увидимся ещё? — спросил Виктор дрогнувшим голосом. — Опять вы уходите! Хоть скажите, как жить дальше?

— Да никуда мы не уходим, — ответил дед. — Мы ж всегда рядом! А жить... Он подумал.

— Вот помнишь, как в детстве тебя мама целовала?

Виктор только кивнул.

— И я вот, представляешь, тоже помню, как меня моя мама — твоя прабабка — целовала, — он с робостью покосился на черноволосую, рослую казачку, ласково на них глядевшую. — Вот, значит, и у твоих детей должны быть такие воспоминания! За каждым из них ведь все мы стоим. Ну, так что... — он вдруг громко рассмеялся, — ничего антимонии разводить! Иди и целуй! И на жизнь не обижайся, смысла в этом никакого. Всё, что должно произойти, всё равно произойдёт! Умей радоваться тому, что она тебе даёт! Помни, только хреновый щенок скулит! Хороший — гавкает и кусается. Будь хорошим щеном! Ну, прощевай, внучек! Даст Бог, ещё свидимся! — он хлопнул Виктора по плечу. И разом его как будто обняли тысячи родных рук. Укрыли его от всех невзгод и потерь тёплым покрывалом, передав ему всю свою нерастраченную любовь и заботу. И всё исчезло.

Проснулся Виктор за столом. В окно пробивался рассвет, начинался новый день. Он подскочил и удивлённо подумал: «Надо же такому присниться!». Потянулся, прошёл на кухню, умылся, приготовил завтрак. Похмелья не было. Он ощущал себя спокойным и счастливым.

Вспоминая сон, он улыбнулся. И тихо, открыв дверь детской, прошёл и поцеловал спящих детей. Уже уходя на работу, снова подошёл к зеркалу, прижался к нему лбом, тихо прошептал: «Спасибо».

И вышел за дверь.

И он не мог видеть, как с другой стороны зеркала, тоже прижавшись к нему лбом, ласково улыбаясь вслед ему, смотрела его мама.